

Почему вяз – ведьмин, или история одной находки

От издателя

Внимательные читатели наверняка заметят, что в романе Таны Френч словосочетание “ведьмин вяз” не встречается нигде, кроме заглавия, а наиболее дотошные обнаружат, что и вяз-то не ведьмин, а шершавый (*wych elm*, как видовое название, на латыни – *ulmus glabra*). Однако подвоха тут никакого нет: название романа отсылает к истории, которая произошла в 1943 году в местечке Хагли-Вуд в английском Вустершире. Там в дупле вяза обнаружили тело женщины, убитой предположительно в октябре 1941 года; несчастную задушили, а тело спрятали в дупле. Личность погибшей так и не была установлена, молва прозвала ее “Беллой”. Начиная с 1970-х годов на обелиске неподалеку от места, где обнаружили труп, появляется граффити “Кто засунул Беллу в ведьмин вяз”, и *wych* в этой надписи постепенно трансформировалось в *witch* (ведьмин), – вполне в духе тайны, окутывавшей это преступление, тем более что среди версий мотивов убийства было и колдовство. Эта история, по признанию Таны Френч, стала толчком для ее новой книги.

Кристине

*Господи, мы знаем, кто мы такие,
но не знаем, чем можем стать.*

*Уильям Шекспир. “Гамлет” (пер.
Михаила Лозинского)*

1

Я всегда считал себя везучим. Не в том смысле, что вдруг по наитию угадывал выигрышные числа в лотерее и срывал многомиллионный куш или на считанные секунды опаздывал на самолет, который потом разбился со всеми пассажирами. Я лишь хочу сказать, что обычные житейские неурядицы меня как-то миновали. Надо мной не измывались в детстве, меня не травили в школе, родители мои не развелись, не умерли, не спились, не скололись, а если и ссорились, то по мелочам; ни одна из моих девушек, насколько мне известно, ни разу мне не изменила, не бросила без объяснений в одночасье; я никогда не попадал под машину и не болел ничем серьезнее ветрянки – мне даже брекеты носить не пришлось. Не то чтобы я много об этом думал, но когда мне в голову вдруг пришла эта мысль, я испытал удовлетворение от того, что все в моей жизни складывалось как надо.

К тому же у меня был Дом с плющом. Даже теперь меня вряд ли кто разубедит, что Дом с плющом – настоящая удача. Я понимаю, что не все так просто, я как никто знаю все причины до мельчайших зазубренных деталей, могу выстроить их узорами, броскими, как руны черных сучьев на снегу, чтобы, глядя на них, в конце концов почти поверить в собственную правоту; но достаточно знакомого запаха – жасмина, лапсанг сушонга, того особого старомодного мыла, названия которого я так и не узнал, – или косою луча послеполуденного солнца, падающего под определенным углом, и я снова теряю голову, замороженный.

Недавно я даже позвонил двоюродным брату с сестрой, чтобы поговорить об этом, – накануне Рождества перебрал глинтвейна на каком-то богомерзком корпоративе, иначе ни за что бы не позвонил, ну или как минимум не стал бы спрашивать у них ни мнения, ни совета, ни чего мне там приспичило узнать. Сюзанна недвусмысленно дала понять, что вопрос дурацкий: “Ну разумеется, нам повезло. Дивное было время, – и добавила, когда я примолк: – Если ты все о том же, то я бы на твоём месте (ножницы проворно и долго стригут бумагу, на заднем плане весело заливаются хор мальчиков, сестра заворачивает

подарки) давным-давно постаралась обо всем забыть. Я понимаю, проще сказать, чем сделать, но правда, Тоби, столько лет прошло, зачем опять в этом копать? А впрочем, как знаешь”. Леон же сперва искренне мне обрадовался, но потом сразу напрягся: “Мне-то откуда знать? И кстати, раз уж ты позвонил, я все равно собирался тебе писать, думаю приехать домой на Пасху, ненадолго, ты будешь...” – тут я вспылил, потребовал ответа на вопрос, хотя прекрасно знал, что с Леоном этот номер не пройдет: он притворился, будто связь прервалась, и повесил трубку.

И все же, все же. Это важно, даже, пожалуй, – насколько я теперь понимаю – важнее всего прочего. Я лишь недавно задумался о том, в чем же именно заключается везение, до чего оно гладко и восхитительно-обманчиво, какие безжалостные изгибы и узлы скрывает его изнанка, какие смертельные опасности в нем таятся.

Тот вечер. Любой рассказ можно начать с чего угодно, и я прекрасно понимаю, что прочие участники этой истории поставили бы под сомнение мой выбор, – буквально вижу, как кривит губы Сюзанна, слышу, как насмешливо фыркает Леон. Да что уж: для меня тот вечер стал поворотным моментом, изъеденным ржавчиной засовом на двери, разделяющей “до” и “после”, подставленным украдкой волшебным стеклышком, из-за которого все, что по эту сторону, приобретает мутный оттенок, а по ту – сияет так мучительно близко, нетронутое, неприкосновенное. Чушь, конечно, – к тому времени череп давным-давно покоился в расщелине, и тем летом его все равно обнаружили бы, – но в глубине души я, вопреки всякой логике, верю, что без того вечера ничего бы этого не случилось.

Поначалу все складывалось неплохо, можно даже сказать, как нельзя лучше. Та апрельская пятница стала первым по-настоящему весенним деньком, и я сидел в пабе с двумя лучшими школьными друзьями. “У Хогана” было оживленно, по случаю наступившего тепла все расслабились, девушки распустили волосы, парни закатали рукава рубашек, смех и гул голосов почти заглушали бодрое регги, и казалось, будто пол пульсирует под ногами. Я тащился, причем без всякого кокса, рабочая неделя выдалась напряженной, и в тот день мне наконец удалось решить все вопросы, голова кружилась от радости, я ловил себя на том, что тараторю как заведенный и несколько картинно

подношу ко рту бокал пива. Сидевшая за соседним столиком красивая брюнетка то и дело поглядывала на меня, недвусмысленно улыбалась, когда мы встречались глазами; я вовсе не собирался подкатывать к ней, у меня была девушка, и я не хотел ей изменять, но было приятно сознавать, что я не утратил обаяния.

– Она на тебя глаз положила. – Деклан кивнул на брюнетку, которая, запрокинув голову, театрально расхохоталась над шуткой подруги.

– У нее хороший вкус.

– Как там Мелисса? – спросил Шон, на мой взгляд, безо всякой нужды. Даже если бы у меня не было Мелиссы, брюнетка – не мой тип, слишком уж вызывающие формы, едва сдерживаемые винтажным красным платьем, такая куда уместнее в прокуренном “Голуазом” бистро, где парни дрались бы за нее на ножах.

– Лучше всех, – ответил я чистую правду. – Как всегда.

Мелисса была полной противоположностью брюнетки: невысокая, милая, с копной растрепанных светлых волос и россыпью веснушек, она любит все, что радует и ее, и окружающих, – носит яркие платья из пестрого ситца, печет хлеб, танцует под любые песни, что крутят по радио, на пикник прихватывает тканевые салфетки и какой-нибудь невообразимый сыр. Мы не виделись несколько дней, и я отчаянно скучал по Мелиссе, по ее смеху, по ее манере утыкаться носом мне в шею, по ее пахнущим жимолостью волосам.

– Она клевая, – многозначительно заметил Шон.

– Ага. Я же только что сказал, она лучше всех. Я с ней встречаюсь, кому, как не мне, знать, что она клевая. Она и вправду клевая.

– Ты что, под спидами? – спросил Дек.

– Не, это меня от тебя так прет. Чувак, ты сам чистейший, белейший колумбийский...

– Точно, под спидами. А ну делись, засранец.

– Я чист как задница младенца.

– Тогда чего ты пялишься на эту телку?

– Она красивая. Мужчина может любоваться красотой безо всякого...

– Ясно, кофе перебрал, – сказал Шон. – Пей лучше пиво, хоть в себя придешь.

Он указал на мою пинту.

– Ради тебя – что угодно, – ответил я и залпом допил все, что оставалось в бокале. – Уххх.

– Она роскошна. – Дек пожирал глазами брюнетку. – Эх, жаль.

– Так вперед, – сказал я, хотя знал, что Дек, как всегда, заробееет.

– Ладно.

– Давай. Пока она отвернулась.

– Она же не на меня смотрела. А на тебя. Как обычно.

Дек, нервный коренастый очкарик с буйными непослушными медными волосами, выглядит неплохо, но отчего-то убедил себя в обратном – с предсказуемыми последствиями.

– Эй, на меня девушки тоже заглядываются, – с притворной обидой заметил Шон.

– Еще как заглядываются. Гадают, слепой ты или напялил эту рубашку на спор.

– Зависть. – Шон печально покачал головой. Высокий, метр девяносто, с круглым открытым лицом и выпирающими мускулами, которые только-только начинали обмякать; женщины и правда частенько обращали на него внимание, но им ничего не светило, потому что Шон много лет, еще со школы, счастлив с одной девушкой. – Страшная штука.

– Не парься, – успокоил я Дека. – Все у тебя наладится. Уж после такого... – и я еле заметным кивком указал на его голову.

– После какого “такого”?

– Сам знаешь. – Я коснулся своих волос.

– Да о чем ты?

Я наклонился над столом и проговорил вполголоса:

– О пересадке волос. Молодчина, чувак.

– Да не делал я пересадку!

– Тут нечего стесняться. Сейчас все звезды это делают. И Робби Уильямс. И Боно.

Дек, разумеется, разозлился еще сильнее.

– Вы охренели? У меня все волосы свои!

– И я об этом. Выглядят как натуральные.

– Чисто натуральные, – поддакнул Шон. – Никто и не заметит. Отлично смотрится.

– Никто не заметит, потому что ничего и нет. Я не делал...

– Да ладно тебе, – перебил я. – Вон же они. Тут и....

– Отвали!

– Придумал! Давай спросим у твоей красотки. – И я помахал брюнетке.

– Нет. Нет-нет-нет. Тоби, я не шучу, я тебя убью. – Дек попытался схватить меня за руку, но я увернулся.

– Чем не тема для подката, – в тон мне заметил Шон. – Ты же не знал, как с ней заговорить. Вот тебе пожалуйста.

– Идите в жопу. – Дек встал, отчаявшись перехватить меня за руку. – Мудаки вы конченные, поняли?

– Эй, Дек, – воскликнул я, – не уходи!

– В сортир я. А вы пока успокойтесь. Давай, клоун, – он посмотрел на Шона, – твоя очередь.

– Решил проверить, все ли на месте, – сказал мне Шон, проведя по линии волос. – Ты всё испортил. Этот аж вон куда уполз...

Дек показал нам средний палец и, притворившись, будто не замечает ни нашего хохота, ни брюнетки, стал протискиваться к туалету меж отключенных задниц и рук с пивными стаканами.

– Прикинь, он и правда повелся, – ухмыльнулся Шон. – Ваще. Повторим? – Он направился к барной стойке.

Оставшись один за столом, я написал Мелиссе: *Пью пиво с парнями. Позвоню позже. Люблю тебя.* Она тут же ответила: *Я продала то стимпанковское кресло!* – и россыпь эмодзи с салютом. – *Позвонила дизайнеру, она расплакалась от счастья, и я с ней чуть не разревелась.: —) Ребятам привет. Люблю тебя xxxxxx.* У Мелиссы в Темпл-Баре свой магазинчик, который продает работы ирландских дизайнеров, всякие странные штуки: прикольные наборы из сообщающихся фарфоровых ваз, кашемировые пледы кислотных расцветок, самодельные ручки для ящиков в виде спящих белочек и ветвистых деревьев. Кресло это она не могла сбыть уже несколько лет. *Поздравляю!* – написал я в ответ. – *Ты богиня продаж.*

Шон принес пиво, вернулся из туалета Дек – явно успокоился, но по-прежнему старался не встречаться взглядом с брюнеткой.

– Мы спросили твою красавицу, что она думает, – поддел его Шон. – Она сказала, пересаженные волосы выглядят совсем как родные.

– Сказала, что весь вечер не может на них насмотреться, – добавил я.

– Спросила, можно ли потрогать.

– Спросила, можно ли их лизнуть.

– Жопу себе полижите. Знаешь, почему она с тебя глаз не сводит? – спросил у меня Дек и пододвинул табурет к столу. – Совсем не потому, что ты ей понравился. Просто видела твое сладенькое личико в газете и теперь пытается вспомнить, за что тебя взяли – то ли ты старушку грабанул, то ли трахнул малолетку.

– Значит, я ей нравлюсь, иначе ей было бы на это наплевать.

– Размечтался. Слава тебе голову вскружила.

Пару недель назад в разделе светской хроники действительно была моя фотография с открытия выставки, после чего надо мной принялись стебаться, потому что на снимке я болтаю с актрисой, которая всю жизнь снимается в бесконечной мыльной опере. Я работаю пиарщиком и маркетологом в небольшой, но довольно престижной художественной галерее в центре Дублина, в пяти минутах ходьбы переулками от Графтон-стрит. На последнем курсе колледжа я ни о чем таком не думал – мечтал устроиться в крупную пиар-фирму и пошел на собеседование в галерею исключительно для опыта. Однако же мне неожиданно понравился и высокий, недавно отреставрированный георгианский особняк с причудливой геометрией комнат, и хозяин галереи, Ричард, который уставился на меня сквозь криво сидящие очки и спросил, какие у меня любимые ирландские художники (к счастью, я подготовился к собеседованию, сумел кое-как ответить, и мы разговорились о ле Брокки, Полине Бьюик и прочих деятелях искусства, о которых я до той недели слыхом не слыхивал). Еще мне понравилось, что в галерее у меня будет полная свобода действий. В крупной фирме первую пару лет мне пришлось бы, скрючившись за компьютером, усердно поливать и возделывать чужие идеи гениальных пиар-кампаний в социальных сетях, ломать голову из-за того, удалять ли расистские комментарии интернет-троллей о каком-нибудь офигительно новом вкусе чипсов или оставить для хайпа; в галерее же можно пробовать все что вздумается, учиться на собственных ошибках и исправлять их по ходу дела, и никто не будет висеть над душой – Ричард толком не знал, что такое твиттер, хотя и понимал, что ему не мешало бы его завести, да и явно был не из тех, кто собирается контролировать каждый твой шаг. Я немного удивился, когда мне предложили работу, но согласился, практически не раздумывая.

Несколько лет, рассудил я, несколько блестящих пиар-кампаний для украшения резюме – и перейду в крупную фирму на должность, которая меня по-настоящему устроит.

Прошло пять лет, я принялся прощупывать почву – причем, к моему удовольствию, безрезультатно. Я понимал, что буду скучать по галерее, и не только по здешней вольнице, но и по работе, по художникам с их смехотворным запредельным перфекционизмом, по удовлетворению от того, что наконец поднатаскался и теперь понимаю, почему Ричард за одного художника ухватился обеими руками, а другому отказал наотрез. Но мне исполнилось двадцать восемь, и мы с Мелиссой подумывали поселиться вместе, а в галерее хоть и платили нормально, однако далеко не так щедро, как в крупных компаниях, – в общем, я решил, что пришло время двигаться дальше.

В последнюю неделю все это могло сто раз пойти прахом, но удача мне не изменила. Мысли мои метались, как пастушьи собаки, и состояние мое, видимо, передалось Шону с Декком; навалившись на стол, мы спорили, куда нам втроем поехать летом в отпуск, и никак не могли решить: *В Таиланд? Постоян-ка, когда там сезон дождей? – Достаем телефоны. – А сезон смены вождей? Дек почему-то настаивает на Фиджи – только на Фиджи, другого шанса у нас уже не будет* – и якобы незаметно кивает на Шона. На Рождество у того свадьба; событие не сказать чтобы совсем неожиданное, учитывая, что они с Одри встречаются двенадцать лет, но все равно мы с Декком еще не привыкли – типа, с чего он вдруг решил жениться, и при малейшем упоминании об этом капаем Шону на мозги: *Стоит тебе сказать “да” – и ты уже себе не принадлежишь, а там того и гляди дети пойдут, всё, жизнь кончена... За последний отпуск Шона! За его последнюю тусовку! За последний Шонов минет!* На самом деле нам с Декком очень нравится Одри, и кривая ухмылка Шона – вроде как злится, но в глубине души чертовски доволен собой – наводит меня на мысль, что мы с Мелиссой уже три года вместе, не пора ли сделать предложение, а разговоры о последних шансах заставляют оглянуться на брюнетку, которая, оживленно жестикулируя, рассказывает анекдот, ногти у нее ярко-красные, и поворот головы подсказывает мне, что она прекрасно знает: я смотрю на нее, и моя фотография в газете тут ни при чем. – *Не ссы, Шон, в Таиланде мы о тебе позаботимся – ну, за первого Шонова трансвестита!*

С этого момента мои воспоминания о вечере становятся обрывочными. Разумеется, потом я миллион раз прокручивал их в голове, скрупулезно ощупывал каждую нить, чтобы отыскать узелок, до неузнаваемости изменивший весь узор, и надеялся в конце концов обнаружить одну-единственную подробность, смысл которой упустил, крошечный краеугольный камешек, вокруг которого улягутся на место все фрагменты, в голове моей вспыхнут разноцветные огоньки – джекпот! – я подпрыгну и воскликну: “Эврика!” Впрочем, даже если и удавалось достроить тот или иной недостающий эпизод, легче не становилось (распространенный случай, успокаивали меня доктора, это нормально, совершенно нормально): я многое вспомнил, кое-что почерпнул из рассказов Шона и Дека, кропотливо восстановил тот вечер по кусочкам, точно старинную фреску, из сбереженных деталей и благоприобретенных умозаключений, но откуда мне было знать, что скрывали пробелы? Может, я задел плечом кого-нибудь из посетителей в баре? Или же, в эйфории от успеха, разговаривал слишком громко, размашисто вскинул руку и перевернул чье-то пиво? Или в каком-нибудь темном углу сидел качок, бывший хахаль брюнетки? Я не из тех, кто ищет приключений на свою задницу, но теперь уже ни в чем нельзя быть уверенным.

На темном дереве длинные полосы света, желтоватые, как сливочное масло. Я иду в сортир; девушка в мягкой красной бархатной шляпе, наклонившись над стойкой, обсуждает с барменом какой-то концерт, у девушки восточноевропейский акцент, запястья изгибаются, как у танцовщицы. На полу затоптанный флаер: желто-зеленая, в псевдонаивном стиле, ящерица кусает себя за хвост. Я мою руки, стылый воздух воняет хлоркой.

Помню, как посреди громкого спора о том, будет ли следующий фильм “Звездных войн” еще хуже предыдущего (Дек ссылаясь на какой-то хитрый алгоритм, который вывел лично), у меня завибрировал телефон. Я тут же его схватил: подумал, вдруг что-то связанное со сложившейся на работе ситуацией, – может, Ричард решил узнать, как продвигаются дела, или Тирнан наконец соизволил ответить на мой звонок, однако оказалось, что это всего-навсего фейсбучное приглашение на чей-то день рождения.

– Интрижка? – Шон вскинул брови, и я понял, что слишком порывисто взял телефон.

– Еще чего. – Я убрал мобильник. – И кстати, как насчет “Заложницы”: в первой части дочь – жертва, а во второй помогает поймать преступников. – И мы снова заспорили о кино, хотя на тот момент уже настолько уклонились от первоначальной темы, что не помнили, какую точку зрения кто из нас отстаивал изначально. Этого-то я и ждал от нашей встречи: чтобы Дек, навалившись грудью на стол, оживленно жестикулировал, Шон скептически разводил руками, и мы, стараясь перекричать друг друга, обсуждали Хагрида, – в общем, я достал из кармана телефон и выключил звук.

В проблемах на работе был виноват не я – точнее, если и был, то лишь косвенно. Кашу заварил Тирнан, чувак, который отвечает за выставки, долговязый хипстер с длинным подбородком и в винтажных очках в роговой оправе, у которого обычно были две основные темы для разговоров: малоизвестные канадские альтернативные фолк-группы и то, что его картины (тщательно выписанные маслом портреты богемных персонажей с голубиными головами и пустым взглядом – короче, все в таком духе; студию оплачивали ему родители) пока что не получили заслуженного признания. Годом ранее Тирнан подал мысль устроить коллективную выставку молодых людей из неблагополучной социальной среды, в работах которых раскрывалась бы тема городских пространств. Мы с Ричардом ухватились за его предложение: такая реклама для галереи, причем без особых усилий с нашей стороны, а если кто-нибудь из юнцов окажется сирийским беженцем (в идеале – еще и трансвеститом), шумиха выйдет грандиозная; Ричард, несмотря на всю свою рассеянность, надмирность и потрепанный твидовый пиджак, прекрасно понимал – чтобы галерея не закрылась, ей нужен статус и финансирование. Так что через несколько дней после того, как Тирнан подал эту идею, – походя, на ежемесячном совещании, подбирая пальцем с салфетки осыпавшуюся с пончика сахарную пудру, – Ричард велел ему браться за дело.

Все шло как по маслу. Тирнан прочесал самые стремные школы и муниципальные дома, которые сумел отыскать (в одном месте стайка восьмилеток прямо при нем кувалдой превратила его велик в произведение Дали), собрал целую коллекцию сомнительных недорослей с набором мелких судимостей и потрепанными рисунками – на этих полотнах, помимо прочего, фигурировали шприцы, облезлые

многоэтажки и, невесть почему, лошади. Впрочем, надо отдать им должное, не все работы были так уж предсказуемы: одна девица мастерила из материалов с заброшенных стройплощадок жутковатые макеты приютов – брезентовая куколка-мужчина, ссутулясь, сидит на диване, вытесанном из куска бетона, и обнимает за плечи куколку-девочку, от их реалистичности я даже напрягся; еще один парнишка делал гипсовые слепки, наподобие помпейских, с предметов, которые подобрал на лестнице своей многоэтажки, – разбитая зажигалка, детские очки с погнутой дужкой, завязанный сложными узлами целлофановый пакет. Я уже смирился с тем, что выставка будет вызывать интерес исключительно за счет морального превосходства, однако некоторые экспонаты оказались и правда неплохи.

Одной своей находкой Тирнан особенно гордился – восемнадцатилетним парнем по кличке Гопник. Тот отказывался иметь дело с кем-либо, кроме Тирнана, не называл своего настоящего имени и, к нашей досаде, не давал интервью: у него то и дело случались нелады с законом, вдобавок он успел нажать немало врагов и опасался, что стоит ему разбогатеть и прославиться, как они тут же примутся его преследовать, – но работы у него были хорошие. С отчаянно-небрежным мастерством, придававшим его произведениям актуальность, он задействовал различные предметы, аэрозольную краску, фотографии, тушь – смотри скорее, да повнимательнее, пока с периферии полотна не налетело с ревом нечто и не разнесло его на осколки цвета и наспех нацарапанных слов. Когда я выложил на фейсбук его *piece de resistance*^[1], гигантский вихрь из написанных углем подростков, сидящих вокруг нарисованного из баллончика костра, – запрокинули головы, размахивают жестянками, из которых неоновыми дугами хлещет алкоголь, – под названием “БоГероиновая рапсодия”, оно тут же привлекло внимание коллекционеров.

И вскоре совет по искусству и городской совет Дублина буквально завалили нас деньгами. СМИ писали о нас куда чаще, чем я ожидал. Тирнан привел к нам своих юнцов, и те бродили по галерее, пихая друг друга локтями, прикалывались вполголоса да бросали долгие непонятные взгляды на “Расхождения”, экспозицию абстракций, выполненных в смешанной технике. На наше приглашение откликнулась целая толпа знаменитостей, все обещали прийти на открытие выставки. Ричард слонялся по галерее, улыбаясь и мурлыкая

себе под нос арии из опереток вперемешку с какими-то диковинными мотивчиками, которые он где-то подцепил (“Крафтверк”?). И вот однажды днем я без стука вошел в кабинет к Тирнану и увидел, как тот, стоя на четвереньках, добавляет последние штрихи к новому полотну Гопника.

Оправившись от секундного изумления, я расхохотался. Отчасти из-за выражения лица Тирнана, который покраснел и, хватая ртом воздух – “это не то, что ты подумал!”, – пытался подобрать правдоподобное объяснение, отчасти из-за собственного незамутненного легковерия, хотя давным-давно следовало бы обо всем догадаться (с каких это пор Тирнан водит дружбу с подростками из социально уязвимых семейств?).

– Так-так-так, – рассмеялся я. – Ну ты даешь.

– Тссс! – Тирнан поднял руки и оглянулся на дверь.

– Кого я вижу! Гопник собственной персоной!

– Да заткнись ты, пожалуйста, тут же Ричард...

– Выглядишь лучше, чем я ожидал.

– Тоби. Послушай. Нет, ты послушай... – Он вытянул руки перед картиной, и отчего-то казалось, будто он пытается ее прикрыть (“Картина? Какая картина?”): – Если все откроется, мне крышка, меня никто и никогда уже...

– Да боже мой, – перебил я, – успокойся ты.

– Картины ведь хорошие. Правда хорошие. У меня не оставалось другого выхода, будь они мои, на них никто и не взглянул бы, ведь я учился в художественной школе...

– Ты рисовал только за Гопника? Или за других тоже?

– Только за Гопника, клянусь.

– Гм.

Я посмотрел через его плечо.

Типичный Гопник: на толстом слое черной краски процарапаны два отчаянно дерущихся пацана, за ними – стена детально прорисованных балконов, на каждом из которых разворачивается колоритная сценка. Долго же он, должно быть, ее рисовал.

– И давно ты это придумал?

– Да не так чтобы... – моргнул Тирнан. Его буквально трясло от волнения. – Что ты намерен делать? Ты...

Наверное, мне следовало отправиться напрямиком к Ричарду и рассказать ему обо всем или хотя бы под благовидным предлогом изъять картины Гопника из экспозиции (выдумать, например, что враги напали на его след – да тот же передоз лишь придал бы ему привлекательности). Но мне, признаться, такое даже в голову не пришло. Все шло отлично, все причастные были счастливы донельзя; прикрыть лавочку значило бы испортить настроение куче народу, причем, на мой взгляд, безо всякой веской причины. Да и с этической точки зрения я тоже сочувствовал Тирнану, поскольку никогда не разделял страсти среднего класса к самобичеванию и не считал, что тот, кто беден и склонен по мелочи нарушать закон, каким-то чудесным образом оказывается достойнее прочих, глубже черпает из источника истинного искусства и лучше знает жизнь. В моих глазах ценность выставки оставалась той же, что и десять минут назад, если же публике угодно не замечать удивительных картин прямо перед глазами, а вместо этого она предпочитает гоняться за какими-то отрадными иллюзиями, якобы скрывающимися за полотнами, так мне-то что за дело.

– Расслабься, – сказал я (жестоко было бы мучить его молчанием). – Не буду я ничего предпринимать.

– Правда?

– Клянусь.

Тирнан судорожно вздохнул.

– Ладно. Ладно. Фух... Ну и напугал ты меня. – Он выпрямился, окинул взглядом картину, похлопал по верхнему краю, словно успокаивая всполошившееся животное. – Они же хорошие, правда? – спросил он.

– Ты лучше вот что, – ответил я. – Нарисуй серию таких, с костром. У Тирнана загорелись глаза.

– А что, можно, – произнес он. – Годная идея, кстати, – на первой разводят костер, на последней угли на рассвете... – Он повернулся к столу, схватил бумагу и карандаш, уже обдумывая эпизод.

Я вышел, чтобы не мешать.

После этой небольшой кочки подготовка выставки плавно покатила дальше – к открытию. Тирнан не покладая рук трудился над серией костров Гопника, дошло до того, что он, по-моему, спал от силы часа два в сутки, но если кто и заметил, что он ходит немый, то

осоловевший и все время зевает, то не связал это с картинами, которые Тирнан с торжественной регулярностью приносил в галерею. На основе анонимности Гопника я сплел легенду наподобие загадки Бэнкси, завел целую кучу левых аккаунтов в твиттере, полуграмотные хозяева которых спорили на интернет-сленге, не тот ли это чувак с раёна, который тогда пырнул ножом Микси, потому что Микси его ищет; журналисты купились, на нас подписалась тьма народу. Мы с Тирнаном даже полусуто обсуждали, не нанять ли настоящего гопника – торговать лицом за деньги на дозу (для пущего правдоподобия нам явно понадобился бы конченный нарик), но отказались от этой идеи, решив, что торчки – народ ненадежный и молчать им ума не хватит: рано или поздно примется либо нас шантажировать, либо заявит права на творчество, и тогда пиши пропало.

Наверное, мне следовало бы побеспокоиться о том, что будет, если что-то не сложится, а не сложиться могло многое – вдруг журналисты решили бы докопаться до истины или я сам неубедительно использовал сленг в твитах Гопника, – но я не беспокоился. Тревога всегда казалась мне смехотворной тратой времени и сил, гораздо проще заниматься своим делом и решать проблемы по мере их поступления, если возникнет необходимость, – обычно ведь и не возникает. Поэтому я как-то растерялся, когда за месяц до намеченного открытия выставки и за четыре дня до описываемого вечера Ричард вдруг обо всем узнал.

Я до сих пор не знаю, каким именно образом. Насколько я понял (приникнув к двери собственного кабинета, разглядывая вмятины на белой краске, с бешено бьющимся – чуть ли не в горле – сердцем), из телефонного разговора. Ричард вышвырнул Тирнана так стремительно и в таком иступленном приступе ярости, что мы не успели словом перемолвиться. Потом ворвался ко мне в кабинет – я вовремя отскочил, чтобы не получить дверью по лицу, – велел выметаться и до пятницы не показываться ему на глаза, а там он решит, как со мной быть.

С одного взгляда на Ричарда – бледного, с мятым воротником, зубы стиснуты – я понял, что разумнее промолчать, даже если бы я и успел сочинить складное оправдание, прежде чем за Ричардом захлопнулась дверь, взвихрив бумаги на моем столе. Я собрал вещи, вышел в коридор, стараясь не встречаться взглядом с бухгалтершей Эйдин,

которая таращилась на меня круглыми глазами сквозь щель в своей двери, и с деланой беспечностью легко сбежал по лестнице.

Следующие три дня я маялся от скуки. Рассказывать кому-то о случившемся было бы идиотизмом: существовала большая вероятность, что все обойдется. Я не ожидал, что Ричард так разозлится, – нет, я, конечно, догадывался, что он не обрадуется, но сила его гнева казалась совершенно несоизмеримой происшествию; должно быть, рассудил я, у него выдался неудачный день и к моему возвращению он уже успокоится. Вот я и торчал целыми днями дома, чтобы меня не заметили где не надо в неурочное время. Я даже позвонить никому не мог. Равно как остаться ночевать у Мелиссы или пригласить ее к себе, вдруг наутро ей захочется, чтобы мы вместе пошли на работу, – ее лавка в пяти минутах ходьбы от моей галереи, так что после проведенной у нее ночи мы обычно вместе шли на работу, держась за руки и болтая, как парочка подростков. Я ей наврал, будто бы подхватил простуду, и навещать меня не надо, чтоб не заразиться, и возблагодарил Бога, что Мелисса не из тех девушек, что сразу подозревают измену. Дни напролет играл в “Иксбокс”, а, выбираясь в магазин, одевался как в галерею – так, на всякий случай.

К счастью, в нашем квартале не принято утром по дороге на работу весело махать рукой соседям, и если я денек-другой посижу дома, никто не заявится с печеньем, чтобы меня проведать. Квартира моя на первом этаже облицованной красным кирпичом панельной многоэтажки семидесятых годов, неловко торчавшей между прелестными викторианскими особняками в чудесном районе Дублина. Вдоль широкой просторной улицы росли старые деревья, корни которых бороздили там-сям тротуары, и архитектору хватило чутья это обыграть: окна в моей гостиной были от пола до потолка, стеклянные двери выходили на две стороны, так что летом в комнате царил восхитительная чехарда солнечного света и тени от листвы. Увы, далее вдохновение, видимо, покинуло архитектора, и все остальное вышло у него из рук вон плохо: фасад получился до омерзения утилитарный, в коридоре охватывало неприятное дежавю, будто ты вдруг очутился в гостинице при аэропорте, – насколько хватает глаз, тянутся коричневые ковровые дорожки, тисненные бежевые обои на стенах, дешевые деревянные двери, замызганные бра из граненого стекла сочатся желтоватым творожистым светом.

Соседей я не видел никогда. Порой, если в квартире наверху что-то роняли, я слышал глухой стук, а один раз придержал дверь перед похожим на бухгалтера прыщавым парнем с кучей пакетов из “Маркса и Спенсера”, в остальном же я словно жил один в целом здании. Никто не заметит и не обеспокоится, если я вместо работы останусь дома – обстреливать вражеские позиции и придумывать занимательные истории из жизни галереи, чтобы вечером рассказать по телефону Мелиссе.

Время от времени меня охватывала паника. Тирнан не отвечал, даже если я звонил с городского, номера которого у него не было, так что я не мог выяснить, заложил ли он меня Ричарду и если да, то что именно рассказал, но уже одно то, что с ним невозможно связаться, представлялось недобрым знаком. Я уговаривал себя – мол, если бы Ричард захотел меня вышвырнуть, он сделал бы это в тот же день, как с Тирнаном, и обычно этот аргумент успокаивал, но порой на меня накатывало (в основном среди ночи, когда я вдруг распахивал глаза и видел, как по потолку зловеще ползет косою луч тусклого света от фар бесшумно проезжавшей мимо машины), и я вдруг проникался ужасом своего положения. Если меня уволят, как я буду скрывать это от всех – родителей, друзей, боже мой, от *Мелиссы*, – пока не устроюсь на новую работу? А если не устроюсь? В крупных фирмах, которые я с таким терпением обрабатывал, обязательно заметят мой внезапный уход из галереи, заметят, что в то же самое время неожиданно исчез и художник, который должен был стать гвоздем программы разрекламированной летней выставки, и тогда уж новую работу я сумею найти разве что за границей, да и то не факт. Кстати, об отъезде из страны: что, если нас с Тирнаном арестуют за мошенничество? Слава богу, мы не продали ни одной работы Гопника, да и вообще не пытались выдать их за полотна Пикассо, однако же получили финансирование обманным путем, наверняка это незаконно...

Как я уже говорил, переживать я не привык, а потому собственный страх меня поражал. Теперь, оглядываясь назад, заманчиво счесть этот страх незадавшимся предчувствием, сигналом тревоги, мощным настолько, что он пробился к моему сознанию, но оно, по своей ограниченности, отшвырнуло его, и это оказалось роковым. Тогда же тревога представлялась мне досадной нелепостью, и я не собирался ей поддаваться. Стоило панике накатить и окрепнуть, как я вставал,

прерывал порочный круг мыслей тридцатисекундным ледяным душем, отряхивался, как собака, и возвращался к прежнему занятию.

Утром пятницы мне было не по себе, я даже не с первого раза подобрал одежду, которая создавала бы верное впечатление (скромная, выражающая раскаяние и готовность вернуться к работе), и в итоге остановился на темно-сером твидовом костюме с нейтральной белой рубашкой без галстука. Так что в дверь Ричардова кабинета я постучал довольно уверенно, и даже его отрывистое “войдите” не выбило меня из колеи.

– Это я, – робко заглянув в кабинет, произнес я.

– Догадался. Садись.

Кабинет изобилдовал резными антилопами, плоскими морскими ежами, репродукциями Матисса, сувенирами, привезенными Ричардом из путешествий, все это громоздилось на полках, стопках книг и друг на друге. Сам Ричард равнодушно перебирал большую кипу бумаг. Я придвинул стул к его столу, под углом, точно мы собирались вычитывать корректуру рекламного проспекта.

Дождавшись, пока я усядусь, Ричард проговорил:

– Думаю, нет нужды объяснять тебе, в чем дело.

Изображать неведение было бы грубой ошибкой.

– В Гопнике, – сказал я.

– В Гопнике, – повторил Ричард. – Да. – Он взял лист бумаги из стопки, недоуменно взглянул на него и бросил обратно. – Когда ты узнал?

Я скрестил пальцы, надеясь, что Тирнан не проболтался.

– Несколько недель назад. Две. Может, три. (На самом деле гораздо раньше.)

Ричард посмотрел на меня:

– И ничего не сказал.

Тон ледяной. Он до сих пор в бешенстве, ничуть не успокоился. Я решил поднажать:

– Да я хотел. Но к тому времени, когда я обо всем узнал, дело зашло слишком далеко, понимаете? Его работы разместили на сайте, в *приглашении*, и я знаю наверняка, что “Санди Таймс” приняла его исключительно из-за Гопника, а их представитель... – Я тараторил, захлебываясь, как виноватый, понял это и заговорил медленнее: – Я думал лишь о том, что если он исчезнет перед самым открытием, это

вызовет подозрения. И бросит тень на выставку в целом. И на галерею. (Тут Ричард зажмурился на мгновение.) Я не хотел перекладывать ответственность на вас. Вот я и...

– Теперь ответственность на мне. И ты прав, эта история обязательно вызовет подозрения.

– Мы всё исправим. Правда. Я последние три дня как раз придумывал, что нам делать. Сегодня же к вечеру мы всё уладим. – “Мы”, “мы”: мы по-прежнему команда. – Я свяжусь со всеми критиками и гостями, сообщу, что у нас немного поменялся состав и мы решили поставить их в известность. Скажу, мол, Гопник испугался, что враги его ищут, и решил на время залечь на дно. Мы, дескать, очень надеемся, что он разберется со своими проблемами и вернет нам свои картины, – нужно же внушить им надежду, нельзя так сразу обескураживать. Я объясню, что работа с людьми из этого социального слоя неизбежно сопряжена с риском, и хотя нам, разумеется, жаль, что так получилось, мы ни капли не раскаиваемся, что дали ему шанс. На такие объяснения не поведется разве что законченный моральный урод.

– Ловко у тебя получается, – устало заметил Ричард, снял очки и ущипнул переносицу указательным и большим пальцем.

– А как же иначе. Нужно все уладить. (Он не среагировал.) Часть критиков не придет, может, пара гостей, но не настолько много, чтобы волноваться. Я совершенно уверен, что мы успеем внести изменения в программу, прежде чем ее опубликуют в газетах, переделаем обложку, поставим на нее коллаж с диваном Шантель...

– Три недели назад все это было бы гораздо проще.

– Знаю. Знаю. Но и сейчас еще не поздно. Я пообщаюсь со СМИ, предупрежу, чтобы не афишировали всю эту историю, объясню, что мы не хотим его отпугнуть...

– Или, – Ричард надел очки, – мы можем выпустить пресс-релиз и объявить всем, что Гопник – не тот, за кого себя выдавал.

Он впился в меня взглядом; стекла очков, точно лупа, увеличивали его голубые глаза.

– Ну... – осторожно начал я, Ричардово “мы” мне польстило, но идея была дурацкая, и мне следовало ему это объяснить. – Можем, конечно. Но тогда, скорее всего, придется отменить выставку. Даже если мне удастся подать этот факт в выгодном для нас свете – мол, как

только мы обо всем узнали, тут же изъяли его работы, – нас сочтут доверчивыми дурачками, а значит, под подозрение попадут и остальные работы...

– Ладно. – Ричард отвернулся и поднял руку, призывая меня замолчать. – Сам понимаю. Мы этого не сделаем. Бог свидетель, мне бы этого хотелось, но мы поступим иначе. Иди, делай, что предложил. И побыстрее.

– Ричард, – устыдившись, проникновенно произнес я.

На Ричарда будто вдруг навалилась усталость. Он всегда был добр ко мне, дал шанс зеленому юнцу, хотя на последнее собеседование пришла и женщина с многолетним опытом работы. Если бы я знал, что вся эта история так его подкосит, не позволил бы делу зайти далеко.

– Простите меня, пожалуйста, мне очень стыдно.

– Правда?

– Еще как. Я поступил дурно. Просто... картины и правда хорошие, понимаете? Я хотел, чтобы публика их увидела. Чтобы мы их показали. И перебрал. Такое больше не повторится.

– Ладно. Хорошо. – Он по-прежнему не смотрел на меня. – Иди звони.

– Я все улажу, клянусь.

– Не сомневаюсь, – вяло ответил Ричард. – А теперь иди, – и принялся перебирать бумаги.

Ликуя, я сбежал по лестнице, вернулся в свой кабинет, уже представляя, какую бурю предположений и мрачных пророчеств поднимут в твиттере подписчики Гопника. Ричард явно еще злится на меня, но смягчится, когда увидит, что я все уладил и вернул в правильное русло, – или, самое позднее, после выставки, если она пройдет успешно. Ужасно жаль картины Тирнана, после такого они обречены гнить в стенах его студии, а впрочем, может, я что-нибудь придумаю позже. В конце концов, другие напишет.

Мне требовалось пропустить пинту, лучше даже несколько пинт, а еще лучше – выбраться с парнями в паб и хорошенько напиться. Я скучал по Мелиссе, обычно мы проводили вместе минимум три ночи в неделю, но сейчас мне были нужнее друзья, их подколки и дурацкие яростные споры; давненько мы не гудели ночь напролет, когда, опустошив содержимое холодильника, под утро вырубаетесь в гостях на диване, вот этого мне сейчас и не хватало больше всего. Дома у

меня была припрятана хорошая травка, и в ту неделю меня несколько раз так и подмывало снять пробу, но не хотелось ни бухать, ни курить, пока все не уляжется (вдруг мне стало бы только хуже?), так что я отложил это до лучших времен – отметить благополучное завершение всей этой истории, типа, я верил, что закончится-то хорошо, и не ошибся.

Итак: паб “У Хогана”, мы рассматриваем пляжи Фиджи на телефонах, то и дело дергаем Дека за якобы пересаженные волосы (“Да отвалите вы уже!”). Я не собирался рассказывать парням о случившемся, но меня переполняло облегчение, я напился, расслабился и где-то после пятой пинты обнаружил, что выкладываю им всю эту историю, умолчав лишь о ночных приступах паники, которые мне теперь казались еще глупее, чем ощущались тогда, и кое-что приукрасив – чисто для смеха.

– Ну ты и мудак, – покачал головой Шон, когда рассказ подошел к концу, и криво улыбнулся. У меня немного отлегло от сердца, мнение Шона всегда было важно для меня, тем более что реакция Ричарда оставила неприятный осадок.

– Точно, мудак, – чуть резче повторил Дек. – Ты же мог вляпаться.

– Я и вляпался.

– Это разве вляпался! Тебя могли выгнать с работы. А то и посадить.

– Ну, значит, пронесло, – раздраженно бросил я, Дек мог бы и догадаться, что меньше всего мне сейчас хотелось думать о таких вот последствиях. – По-твоему, копам не наплевать, кто написал картину – никому не известный чувак в спортивном костюме или никому не известный чувак в фетровой шляпе? Ты вообще в своем уме?

– Выставку могли закрыть. Твой босс мог отказаться в этом участвовать.

– Не отказался же. А даже если бы и отказался, тоже мне, конец света.

– Для тебя, конечно, нет. А для ребят-художников? Они душу открыли, а ты посмеялся над ними, выставил шутами...

– Каким же образом я над ними посмеялся?

– Им наконец-то выпал серьезный шанс, а ты его чуть не отобрал – так, чисто развлечения ради...

– О, ради бога.

– И если бы ты все испортил, они так и застряли бы в своем дерьме, причем до конца своих...

– Что ты несешь? Они могли закончить школу. Вместо того чтобы нюхать клей и сбивать зеркала с машин. Они могли бы устроиться на работу. Кризис кончился, и в дерьме лишь тот, кто сам его выбрал.

Дек недоверчиво уставился на меня, вылупив глаза, как будто я при нем ковырялся в носу.

– Ты ничего не понял, чувак.

Обучение в нашей школе Деку оплачивало государство; отец его был водителем автобуса, мать работала продавщицей в “Арноттсе”, и хотя родители никогда не принимали наркотики и не сидели в тюрьме, то есть у Дека с нашими художниками общего было не больше, чем у меня, время от времени он любил ткнуть, что сам из бедного района, – в основном чтобы оправдать свое лицемерие или раздражительность. Вдобавок он все еще бесился из-за шуточек о пересадке волос. Я мог бы указать ему, что все, что он тут несет, просто ханжеская чушь, и он сам – живое подтверждение моих слов: он же не нюхает в каком-нибудь сквороте украденный из магазина баллончик с краской, а сделал блестящую карьеру в ИТ (что и требовалось доказать), – но в тот вечер не хотелось связываться.^[2]

– Твоя очередь.

– Ты не знаешь, о чем говоришь.

– Твоя очередь, серьезно. Так ты возьмешь нам пива или мне тебя спонсировать на том основании, что у тебя было трудное детство?

Дек впился в меня взглядом, я не отвел глаза, в конце концов он демонстративно покачал головой и направился к стойке. На этот раз даже не стал обходить стол, за которым сидела брюнетка, – та, впрочем, его и не заметила.

– Что за хрень? – спросил я, убедившись, что Дек нас не слышит. – Какая муха его укусила?

Шон пожал плечами. Я в прошлый раз захватил несколько пакетиков арахиса – не успел пообедать, разруливал ситуацию с Гопником, засиделся в галерее допоздна, – и сейчас Шон пристально разглядывал орех, на который как будто что-то налипло.

– Никто же не пострадал. Не заболел, не умер. А он ведет себя так, словно я ударил его любимую бабушку, – сказал я с пьяной откровенностью, навалившись грудью на стол, может, слишком

сильно, не знаю. – Да и кто бы говорил, господи, сам-то не лучше, миллион раз косячил.

Шон снова пожал плечами.

– У него стресс, – сказал он, продолжая рассматривать арахис.

– Да у него вечно стресс.

– Говорил, что хочет снова сойтись с Дженной.

– Ох ни фиги себе, – протянул я.

Дженна, бывшая Дека, с которой он недавно расстался, больная на всю голову школьная учительница несколькими годами старше нас, как-то в пабе положила под столом руку мне на бедро, а когда я изумленно уставился на нее, подмигнула и высунула язык.

– Во-во. Он ненавидит быть один. Говорит, что для первых свиданий староват, а все эти “Тиндеры” на дух не переносит, да и не хочет в сорок лет превратиться в унылого мудака из тех, кого зовут на вечеринки из жалости и сажают рядом с разведенкой, которая весь вечер ругает бывшего мужа.

– Ну а на меня-то зачем срывать, – сказал я. Как по мне, именно так Дек и кончит, но исключительно по собственной вине, и, если уж на то пошло, совершенно заслуженно.

Шон откинулся на спинку стула и посмотрел на меня не то с удивлением, не то с легким любопытством. Он всегда держался спокойно и отстраненно, как будто контролировал ситуацию чуть лучше, чем остальные, причем, казалось, без малейших усилий. Я всегда подозревал: причина в том, что мать Шона умерла, когда ему было четыре года, – факт, неизменно внушавший мне ужас, смущение и благоговейный трепет, – а может, дело было в его росте – такой верзила, как Шон, на любой пьянке оставался трезвее прочих.

Шон ничего не сказал, и я спросил:

– Чего молчишь? Ты теперь тоже считаешь меня сторонником политики Тэтчер или каким-нибудь подонком типа Фейгина?^[3]

– Честно?

– Да. Честно.

Шон стряхнул в ладонь остатки арахисовых крошек и произнес:

– По-моему, это какой-то детский сад.

Я не понял, обижаться или нет: то ли Шон осуждает мою работу, то ли, наоборот, хочет меня успокоить – мол, фигня все это.

– В каком смысле?

– Фальшивые аккаунты в твиттере, – пояснил он. – Выдуманные враги. Устроил какую-то хрень у босса за спиной и надеешься, что тебе это сойдет с рук. В общем, детский сад.

На этот раз я и правда обиделся – пусть и несильно.

– Да пошел ты. Мало того, что Дек мне мозг вынес, так теперь еще и ты. Даже не начинай.

– Я и не собирался. Просто... – Он пожал плечами и допил пиво. – У меня через полгода свадьба, чувак. И в следующем году мы с Одри планируем завести ребенка. Меня твои выходки уже не цепляют, ты всю жизнь такой. – Тут я сдвинул брови, и Шон пояснил: – Сколько я тебя знаю, ты вечно выкидываешь что-нибудь в этом роде. Иногда попадаешься. Но всегда ухитряешься выкрутиться. Ничего нового, в общем.

– Нет. Нет. На этот раз... – Я размашисто рубанул воздух рукой и театрально прищелкнул пальцами – жест, который сам по себе законченное высказывание, но Шон смотрел на меня вопросительно. – На этот раз все иначе. Не так, как раньше. Это не то же самое. Совсем.

– И в чем отличие?

Меня задел его вопрос, я чувствовал, что разница есть, и со стороны Шона невеликодушно требовать, чтобы я объяснял это после стольких пинт.

– Забей. Я ничего не говорил.

– Я не собирался выносить тебе мозг. Я просто спросил.

Он не пошевелился, но лицо приняло какое-то новое, напряженное выражение, Шон не мигая впился в меня взглядом, словно ждал, что я скажу нечто важное, а меня отчего-то так и подмывало все ему объяснить – и о Мелиссе, и о том, что мне уже двадцать восемь, пора остепениться, устроиться в крупную фирму, даже признаться, что время от времени я представляю себе высокий георгианский особняк окнами на Дублинский залив (о чем даже не заикнулся бы при Деке и словом не обмолвился Мелиссе) и как мы с Мелиссой лежим, укрывшись кашемировым пледом, перед горящим камином, а на ковре двое-трое белокурых ребяташек возятся с золотистым ретривером. Пару лет назад от такой вот картинки я бы психанул, а теперь она мне нравилась.

Сейчас я вряд ли сумел бы описать Шону постигшие меня откровения, я бы даже слов таких не выговорил, но все же постарался.

– Ну ладно, – согласился я. – Ладно. Раньше и правда был детский сад, тут ты прав. Ради прикола, чтобы получить халявную пиццу или пощупать за сиськи Лару Малвени. Но мы уже не дети. Я это понимаю. Я отдаю себе в этом отчет. То есть мы не взрослые прям взрослые, но к этому все идет, – блин, кому я это рассказываю? Мы тут прикалывались над тобой, но если честно, вы с Одри молодцы. Вы будете... – Я сбился. Шум в баре нарастал, акустика не справлялась, и казалось, будто звуки доносятся сразу отовсюду, сливаясь в сбивчивый гул. – Ах да. Вот и эта хрень с Гопником случилась из-за этого. Точнее, ради этого все и затевалось. Теперь я ставлю перед собой большие цели. Это тебе не халявная пицца. Все всерьез. В этом и разница.

Я откинулся на спинку стула и с надеждой взглянул на Шона.

– Понял, – произнес он на полсекунды позже, чем следовало. – Что ж, разумно. Удачи, чувак. Надеюсь, все у тебя получится.

То ли у меня воображение разыгралось, то ли слишком уж шумно было в баре, но Шон произнес это как-то равнодушно, едва ли не с досадой, хотя почему? Он даже выглядел отстраненно, словно нарочно отошел на несколько шагов по длинному коридору, однако, возможно, дело было в том, что Шон уже набрался.

Меня взяла досада, неужели он не понимает, что вся эта хрень с Гопником помогла бы мне добиться цели. Успех выставки повысил бы мои шансы устроиться в крупную фирму, а следовательно, и купить нам с Мелиссой дом получше, ну и так далее и тому подобное, – но я

не успел сообразить, как лучше объяснить это Шону, поскольку вернулся Дек с пивом.

– Знаешь, кто ты? – спросил он меня и ухитрился поставить стаканы на стол, расплескав лишь самую малость.

– Мудак он. – Шон бросил подставку на пролитое пиво. Минутное напряжение оставило его, он снова излучал привычное спокойствие и безмятежность. – Мы это уже выяснили.

– Нет, я его спрашиваю. Знаешь, кто ты?

Дек улыбался, но улыбка его блуждала, того и гляди исчезнет.

– Я лучший из людей, – ухмыльнулся я, откинулся на спинку стула и расставил ноги.

– Вот! – Дек победоносно ткнул в меня пальцем, будто каким-то образом взял надо мной верх. – О чем я и говорю. – Я промолчал, не стал допытываться, что именно он хотел сказать, Дек придвинул стул к столу, как если бы готовился к сражению, и спросил: – Как думаешь, что бы со мной было, если бы я на работе сделал такую хрень?

– Тебя бы вышвырнули с треском.

– Точно. И я бы звонил маме, просился пожить у родителей, пока не найду новую работу и не сниму квартиру. А тебя почему не выгнали?

Шон тяжело вздохнул и отпил добрую треть пинты. Мы оба знали, что в таком настроении Дек обычно цепляется ко мне, причем все агрессивнее и агрессивнее – вот тебе! вот тебе! вот тебе! – пока не выведет меня из равновесия или не напьется до такой степени, что мы погрузим его в такси, назовем адрес и сунем водителю деньги.

– Потому что я обаятельный, – ответил я, и это правда, обычно я всем нравлюсь, и это меня выручает, но сейчас речь была о другом, и я сказал так нарочно, чтобы позлить Дека. – А ты нет.

– Не-не-не. Знаешь почему? Потому что ты не снимаешь квартиру. Предки купили тебе жилье.

– Неправда. Они сделали первый взнос. А я выплачиваю ипотеку. И при чем тут...

– А если бы ты не возражал, они бы твою ипотеку выплатили за два месяца. Разве нет?

– Понятия не имею. Мне не нужно было...

– Еще как выплатили бы. У тебя мировые предки.

– Допустим. А даже если и выплатили бы, что с того?

– Вот... – И он, по-прежнему улыбаясь, снова ткнул в меня пальцем; улыбка его показалась бы мне дружеской, но я слишком хорошо знал Дека. – Потому-то босс и не выставил тебя за дверь. Ты не психовал. Не впадал в панику. Ты прекрасно знал – что бы ни случилось, у тебя все будет в шоколаде. Так и вышло.

– У меня все в шоколаде, как ты говоришь, потому что я извинился перед ним и рассказал, как именно намерен все исправить. И еще потому, что я хорошо выполняю свою работу и он не хочет меня терять.

– Ну прям как в школе. – Дека понесло, он подался ко мне через стол, позабыв о пиве. Шон достал телефон и принялся листать новости. – Как в тот раз, когда мы с тобой стащили парик с мистера Макмануса. Мы оба в этом участвовали. Поймали нас обоих. И обоих отвели к Армитеджу. Так? А что было потом?

Я закатил глаза. Признаться, я понятия не имел, помнил лишь, как мы, перегнувшись через перила, подцепили парик удочкой моего отца, как испуганно заблеял внизу Макманус, как мы, хохоча, удирали с париком, а что потом?..

– Ты даже не помнишь.

– Потому что мне плевать.

– Меня отстранили от занятий. На три дня. А тебя всего лишь в тот день оставили после уроков.

– Ты серьезно? – Я недоверчиво посмотрел на Дека. Меня все это уже достало, радужный шарик моего облегчения потихоньку сдувался, а мне-то казалось, что после такой недели я заслужил хотя бы один спокойный вечер. – Это было *четырнадцать* лет назад. И ты до сих пор паришься из-за этого?

Дек погрозил мне пальцем, покачал головой.

– Да не в этом дело. А в том, что тебя чуть-чуть поругали, а мне вломили по полной, еще бы, я ведь учился за казенный счет. Нет, ты слушай, я с тобой разговариваю! – рывкнул он, когда я откинулся на спинку стула и уставился в потолок. – Я не утверждаю, что Армитедж поступил как козел. Я лишь хочу сказать, что я шел в его кабинет и с ужасом думал, что меня исключат, отправят в сраную муниципальную школу. Зато ты прекрасно знал, что даже если тебя выгонят, папочка с мамочкой найдут тебе другую хорошую школу. Вот и вся разница.

Он почти кричал. Брюнетка потеряла ко мне интерес, слишком уж накалилась атмосфера за нашим столиком, нафиг ей эти заморочки, и тут я с ней был согласен.

– Так кто ты такой? – не унимался Дек.

– Я уже не понимаю, о чем ты.

– Ну хватит, – буркнул Шон, не отрывая глаз от телефона. – Задолбали.

– Ты везучий пиздюк, вот и все, – сказал Дек. – Всего-навсего везучий пиздюк.

Я придумывал остроумный ответ, но тут вдруг меня охватил непреодолимый восторг, точно мощный поток теплого воздуха, и я осознал: Дек прав, он сказал сущую правду, тут не злиться, а радоваться надо. Я впервые за все эти дни вздохнул глубоко и рассмеялся.

– Да, – произнес я. – Так и есть. Я везучий пиздюк.

Но Дек на этом не успокоился, он впился в меня взглядом, соображая, как бы еще поддеть.

– Аминь, – проговорил Шон, отложил телефон и поднял бокал с пивом: – За везучих пиздюков и за обычных пиздюков, – и качнул бокалом в сторону Дека.

Я засмеялся, чокнулся с Шоном, спустя мгновение Дек расхохотался громче всех, чокнулся с нами пивом, и мы снова принялись спорить, куда ехать в отпуск.

А вот звать их в гости мне расхотелось. Дек в таком состоянии непредсказуем и агрессивен, и хотя устроить скандал ему вряд ли хватит смелости, но настроение продолжать у меня пропало. Да и положение мое пока оставалось шатким, непрочным, ткни – и снова все рухнет. Хотелось валяться на диване, курить травку и кайфовать, растекаясь хихикающей лужей, а не следить за тем, как Дек нарезает круги по моей гостиной, выискивая, что бы еще использовать вместо кеглей в импровизированном боулинге, и стараться не смотреть на хрупкие предметы, чтобы он не заметил. В глубине души я все еще злился на него, в двадцать восемь лет пора бы уже перерасти дурацкие детские обиды, и если бы Дек сумел это сделать, мы бы сейчас втроем отправились ко мне домой.

Остаток вечера в пабе как в тумане. Следующее мало-мальски отчетливое воспоминание – как мы с парнями прощаемся у

закрывающегося паба, шумные группки посетителей обсуждают, куда ехать дальше, наклоняются к зажигалкам, девицы пошатываются на каблуках, мимо проплывают светящиеся желтые шапки такси. “Послушай, – с архисосредоточенной пьяной искренностью говорит мне Дек, – нет, ты послушай. Шутки в сторону. Я очень рад, что у тебя все получилось. Правда. Ты хороший человек. Тоби, серьезно, я так рад, что у тебя...” – он распинался бы до бесконечности, но Шон махнул таксисту, усадил Дека в машину, придерживая за плечи, кивнул, помахал мне рукой и направился к Портобелло и Одри.

Я тоже мог бы взять такси, но стояла чудесная ночь, безветренная, прохладная, мягкая и спокойная, обещавшая настоящее весеннее утро. Я был пьян, но еще держался на ногах, а до дома было меньше получаса ходу. Вдобавок я зверски проголодался, хотелось купить навынос здоровенную порцию чего-нибудь острого и жгучего. Я застегнул пальто и двинулся в путь.

В верхнем конце Графтон-стрит жонглер играл с пламенем, его окружала горстка зрителей, раззадоренные, они ритмично хлопали, что-то неразборчиво орали пьяными голосами, то ли подбадривая, то ли пытаясь отвлечь. Свернувшийся калачиком на пороге дома бомж дрожал от холода в синем спальном мешке. Я на ходу набрал номер Мелиссы: она не ложится, пока мы не созвонимся, чтобы пожелать друг другу спокойной ночи, и мне не хотелось ее задерживать, а до дома я не дотерпел бы.

– Я по тебе соскучился, – проговорил я, когда она взяла трубку. – Ты чудо.

Она рассмеялась.

– Ты тоже. Где ты?

Услышав ее голос, я сильнее прижал трубку к уху.

– В Стивенс-Грин. Посидели с парнями “У Хогана”. Теперь вот иду домой и думаю о том, что ты чудо. ^[4]

– Так приходи.

– Не могу. Я напился.

– Мне все равно.

– Нет. Буду вонять перегаром, храпеть тебе в ухо, и ты тут же уйдешь от меня к какому-нибудь красноречивому миллиардеру, который, вернувшись из паба, очищает кровь в специальной капсуле.

– Я не знаю никаких красноречивых миллиардеров. Честное слово.

– Еще как знаешь. Они всегда где-нибудь поблизости. Просто пока затаились и ждут удобного случая. Как комары.

Она снова рассмеялась. От ее смеха мне стало тепло. Я, в общем-то, и не думал, что она будет дуться или вовсе откажется со мной разговаривать из-за того, что я не уделяю ей внимания, но ее добродушная отзывчивость лишней раз напомнила: Дек прав, мне чертовски повезло. Помню, как с изумленным ужасом и ощущением легкого превосходства выслушивал его рассказы о душераздирающих драмах с бывшими – то сами где-нибудь закроются, то запирают друг друга в разных невероятных местах, и все это с криками, слезами, мольбами, Мелисса так никогда не сделала бы.

– Можно я приду завтра? Когда снова стану похож на человека.

– Ну конечно! Если будет хорошая погода, устроим пикник в саду, заснем на солнышке и будем вместе храпеть.

– Ты не храпишь. Ты тихонько урчишь.

– Фу. Мило, ничего не скажешь.

– Именно, это и правда мило. И ты милая. Я уже говорил, что ты чудо?

– Ты пьян, дурачок.

– А я и не скрываю.

На самом же деле мне не хотелось идти к Мелиссе – или, точнее, очень хотелось, но я все равно не пошел бы, потому что с пьяных глаз вполне мог разболтать ей про Гопника. Я не боялся, что она меня из-за этого бросит или ударится в какие-нибудь крайности, но Мелисса огорчилась бы, а я старался ее не огорчать, если была такая возможность.

И тем не менее я безумно тосковал по ней и никак не мог наговориться.

– Кстати, кто купил кресло?

– Ох, Тоби, ты бы их видел! Обоим за сорок, одеты как яхтсмены, она в тельняшке, словом, я никогда не догадалась бы, думала, максимум купят какое-нибудь одеялко, и то не слишком яркое, они же буквально вцепились в это кресло. Наверное, оно им что-то напомнило, они без конца переглядывались, смеялись, минут пять решали, куда его поставят, а потом сказали – плевать, даже если оно не впишется в интерьер, они просто обязаны его купить. Люблю непредсказуемых людей.

- Надо будет завтра отпраздновать. Я куплю просекко.
- Давай! Такое, как в прошлый раз... – Она нечаянно зевнула. – Ой, это не потому что мне надоело с тобой разговаривать, просто...
- Поздно уже. Не надо было ждать моего звонка.
- Да ладно, мне нравится желать тебе спокойной ночи.
- И мне. А теперь ложись. Я тебя люблю.
- И я тебя. Спокойной ночи. – Она послала мне поцелуй.
- Спокойной ночи.

Я раз за разом возвращаюсь к этой ошибке – хотя почему ошибке? Что плохого в том, чтобы выпить пива в пятницу вечером после напряженной недели, что плохого в том, чтобы казаться любимой девушке лучше, чем ты есть? – к этому решению я постоянно возвращаюсь, снова и снова нервно его тереблю, словно можно оторвать да выбросить: минус один бокал виски с друзьями, минус одна пинта пива, плюс сэндвич на работе, пока перетряхивал программу выставки, и я был бы трезвее, решил бы пойти к Мелиссе. Я так много думаю о том, как все могло бы сложиться, что представляю поминутно: вот она открывает дверь, я подхватываю ее на руки и кружу: “Поздравляю! Я знал, что у тебя получится!” – вот она свернулась калачиком в постели и тихо дышит, ее волосы щекочут мне подбородок; в субботу – ленивый поздний завтрак в нашем любимом кафе, прогулка вдоль канала, чтобы полюбоваться на лебедей, мы держимся за руки, Мелисса качает их. Я так отчаянно по этому тоскую, словно это не мечты, а реальная вещь, которую я умудрился потерять и которую вполне возможно отыскать и спрятать в надежном месте, надо только знать, как это сделать.

- Ты не повесил трубку.
- Ты тоже.
- Спокойной ночи. Спи крепко.
- Спокойной ночи. Пока-пока. – И много-много поцелуев.

Безмолвная Бэггот-стрит была почти пустыня, длинные ряды высоких георгианских домов, сказочные завитки старинных кованых уличных фонарей. Сзади послышалось ритмичное шуршание велосипедных шин, мимо проехал высокий парень в мягкой фетровой шляпе, сидел он очень прямо, руки скрестил на груди. В дверях целовалась парочка – прямые зеленые волосы ниспадают плавно, всклокоченные сиреневые торчат во все стороны. Кажется, где-то по

дороге я купил индийской еды, хотя понятия не имею, где именно, вокруг витали запахи фенхеля и кориандра, отчего я изошел слюной. Было тепло, улица казалась слишком широкой, незнакомой, полной странного зашифрованного очарования. На газоне между проезжими полосами бородатый старик в кепке шаркал ногами меж высоких деревьев, точно в танце, размахивал руками с растопыренными пальцами. По другой стороне улицы стремительно шла девушка в вихрившемся вокруг щиколоток черном пальто и не отрываясь смотрела на мерцающий бледно-голубой экран телефона, как если бы то была сказочная драгоценность. Мутные веерные оконца над дверями, из маленького окна наверху льется золотистый свет. Темная вода под мостом через канал, бурная и блестящая.

Должно быть, домой я добрался без происшествий, хотя откуда мне знать, откуда мне было знать, что творилось вне моего поля зрения, кто следил за мной из подъезда, что явилось из мрака и неслышно следовало за мной по пятам? Во всяком случае, по пути домой я не заметил ничего, что встревожило бы меня. Должно быть, я съел то индийское блюдо, должно быть, посмотрел что-нибудь на “Нетфликсе” (но не слишком ли я был пьян, чтобы следить за сюжетом?), а то и поиграл в “Иксбокс”, что, впрочем, маловероятно – за последние несколько дней приставка до смерти мне надоела. Должно быть, я забыл включить сигнализацию – хоть и живу на первом этаже, но обычно не заморачиваюсь и включаю ее через раз, поскольку стекло в кухонном окне чуть отстаёт, и если ветер в нашу сторону, то принимается дребезжать, и сигнализация заходится истерическим визгом, да и район у нас не особо криминальный. В какой-то момент я, должно быть, переоделся в пижаму, лег в постель и забылся мирным пьяным сном.

Что-то меня разбудило. Я даже не сразу понял, что именно, но ясно помню звук, негромкий треск, однако не уверен, слышал его во сне (высокий чернокожий парень с дредами и доской для серфинга, смеясь, отказывался сказать мне что-то, что мне нужно было знать) или наяву. В спальне было темно, сквозь занавески пробивался слабый свет уличных фонарей. Я лежал тихо, не до конца выбравшись из паутины сна, и прислушивался.

Сперва я ничего не услышал. Потом кто-то с тихим стуком не то открыл, не то закрыл ящик в гостиной, по другую сторону стены.

Сначала я подумал, что это кто-то из парней, Дек пробрался ко мне, чтобы отомстить за шутки про пересадку волос, как-то раз в колледже мы с Шоном прижались голыми задницами к окну его спальни и разбудили его, но у Дека нет ключей, запасные только у моих родителей, может, нежданно-негаданно решили ко мне нагрянуть, однако они потерпели бы до утра, а может, Мелисса так сильно по мне соскучилась? – нет, она не любит ночью ходить в одиночку по улице, и все это время какая-то животная часть меня знала правду; я рывком сел в кровати, сердце отстукивало мрачный нарастающий ритм.

Короткий шепоток за стеной. В щели под дверью спальни скользнул тусклый луч фонарика.

На тумбочке у кровати стоял подсвечник, который Мелисса несколько месяцев назад принесла из своего магазина, изящная штукovina, похожая на черные кованые ограды у старых дублинских домов, – элегантные бутоны ирисов тянутся к витому основанию, посередине заостренный стерженек, на который крепится свеча (оплывший восковой огарок, вечер в постели с вином и Ниной Симон). Как поднялся с кровати, не помню, но я стоял на ногах, крепко сжимал обеими руками подсвечник, ощущая его тяжесть, и медленно, на ощупь пробирался к двери спальни. Я чувствовал себя идиотом, ведь явно ничего страшного не произошло, только перепугаю бедняжку Мелиссу, или Дек всю жизнь будет мне припоминать...

Дверь в гостиную была приоткрыта, в темноте блуждал дрожащий луч фонарика. Я распахнул дверь ударом подсвечника, шлепнул ладонью по выключателю, и комнату залил яркий свет, так что я даже на миг зажмурился, ослепленный.

Моя гостиная, на журнальном столике оставшаяся с утра чашка из-под кофе, на полу под выдвинутыми ящиками валяются бумаги, двое мужчин в спортивных костюмах, ворота курток натянуты до носа, бейсболки надвинуты на лоб, оба застыли на полужесте, уставясь на меня. Один, тот, что стоял лицом к распахнутой стеклянной двери в сад, сторбился неуклюже над моим ноутбуком, второй тянулся к настенному креплению за телевизором, в руке он держал фонарь. Оба выглядели вопиюще-неуместно, карикатурно, нелепо, точно аляповатый коллаж в фотошопе.

Когда первое изумление прошло, я завопил: “Пошли вон!” От возмущения меня подбросило, как на ракетном топливе, никогда я еще не чувствовал ничего подобного, подумать только, с какой откровенно-беспечной наглостью эти два подонка ворвались ко мне в дом! *Вон! Пошли отсюда! Вон!*

Затем я осознал, что они вовсе не собираются убегать, и понеслось: не помню, кто первый двинулся с места, но вдруг чувак с фонариком бросился на меня, а я на него. Кажется, мне удалось крепко врезаться ему по башке подсвечником, хотя бы разок, я налетел на него, мы оба потеряли равновесие и вцепились друг в друга, чтобы не упасть. От него воняло немытым телом и почему-то молоком – я до сих пор, учуяв этот душок где-нибудь в магазине, с трудом сдерживаю рвотный позыв, даже не успевая сообразить, отчего меня вдруг затошнило. Он оказался сильнее, чем я думал, жилистый, юркий, перехватил мою руку с подсвечником, так что размахнуться я не мог и остервенело тыкал его подсвечником в живот, но удары получались слабые, не хватало места, чтобы дать ему как следует, слишком близко мы, пошатываясь, стояли друг к другу. Он ткнул пальцем мне в глаз, я вскрикнул, мне тут же вмазали в челюсть, перед глазами вспыхнули бело-голубые пятна света, и я упал.

Я плашмя рухнул на пол. Из носа и глаз текло, во рту собиралась кровь, я сплюнул, язык горел огнем. Кто-то крикнул *мудила!*, я привстал на локтях, оттолкнулся ногами, *думаешь, ты такой умный*, оперся рукой на диван, пытаюсь встать, и...

Тут меня пнули в живот. *Я тебя разорву*, мне удалось откатиться, сотрясаясь от мучительных рвотных спазмов, но меня все равно били ногами, теперь уже в бок, методично и крепко. Меня терзала даже не боль, нет, а кое-что похуже – омерзительное, разрывающее чувство неправильности происходящего. Я задыхался. С чудовищной бесстрастной ясностью я понимал, что могу умереть, что если они не остановятся сию же минуту, то будет поздно, но никак не получалось отдышаться и сообщить им эту невыносимо важную вещь.

Я перевернулся на живот, попытался уползти, беспомощно цепляясь пальцами за пол. Меня пнули в задницу, и я уткнулся лицом в ковер – раз, другой, третий. Раздался пронзительный, возбужденный, ликующий смех.

Откуда-то донеслось:

кто-то еще...

Не, иначе они бы...

Проверь. Девушка...

Опять смех, этот смех, со свежей силой.

Ваще, чувак.

Я не помнил, здесь ли Мелисса. Охваченный новым страхом, я попытался оттолкнуться и встать, но не сумел, руки висели плетьюми, кровь, сопли и ворс ковра мешали дышать. Удары прекратились, и я от облегчения окончательно лишился сил.

Кто-то скребется, пыхтит от натуги. Подсвечник закатился под перевернутый стул. Я уже не думал до него дотянуться, но при виде этого подсвечника деталь разрозненной мозаики в моем мозгу встала на место, *спокойной ночи, спи крепко*, Мелисса у себя дома, в безопасности, слава богу, – свет режет глаза. Что-то с грохотом летит на пол, опять и опять. Зеленый геометрический узор на занавесках вытянулся вверх под непривычным углом, тускнеет, становится ярче и снова тускнеет...

Ну всё

...что-нибудь...

...нахуй. Пошли

Погоди, чё он там?

Приближается темное пятно. Резкий удар по ребрам, я скорчился, зашелся кашлем, схватился за живот, глупо надеясь закрыться от следующего удара, но его не последовало. Вместо этого показалась рука в перчатке, обхватила подсвечник и, не успел я, борясь с головокружением, подумать, зачем он им понадобился, как последовал мощный беззвучный взрыв, у меня в глазах потемнело, и всё исчезло, всё.

Не знаю, сколько я провалялся без сознания. Всё, что было дальше, распадается на отдельные фрагменты, яркие и прозрачные, точно слайды, никак не связанные друг с другом, а между ними чернота и резкий щелчок, с которым один кадр меняют на другой.

Шершавый ковер у моего лица, боль во всем теле, боль невыносимая, невероятная, но почему-то мне кажется, что это неважно и вообще не имеет ко мне отношения, больше всего меня пугает то, что я ослеп, совершенно, я не...

щелк

пытаюсь подняться с пола, но руки дрожат, как у эпилептика, разъезжаются, утыкаюсь лицом в ковер

щелк

дикие красные мазки и брызги на белом, сильный металлический запах крови

щелк

на четвереньках, блюю, теплая жижа течет мне на пальцы

щелк

зазубренные куски синего фарфора, разбросанные по полу (потом-то я догадался, что это, скорее всего, были осколки чашки из-под кофе, но тогда мозги работали иначе, ничто не имело ни смысла, ни сути, ничего не было понятно, кроме)

щелк

ползу по бескрайнему полю обломков, которые смещаются, хрустят, колени скользят, периферия поля зрения вскипает

щелк

пульсирующий коридор тянется на мили, коричневый, бежевый. Далеко-далеко, в самом его конце, мелькает что-то белое

держусь за стену, ковыляю вперед, пошатываясь, словно у меня разболтались все суставы. Откуда-то доносится жуткое карканье, ритмичное, безличное, я отчаянно пытаюсь прибавить шаг, убраться прочь, пока на меня не напали, но никак не могу вырваться из кошмарной замедленной съемки, а карканье звенит в ушах, за спиной, вокруг меня (теперь-то я, разумеется, понимаю, что это было собственное мое дыхание, но тогда... и т. д. и т. п.)

щелк

коричневое дерево, дверь. Скребусь в нее, царапаю ногтями, хриплый стон никак не превращается в слова

щелк

мужской голос что-то настойчиво спрашивает, искаженное ужасом женское лицо, широко открытый рот, стеганный розовый халат, нога моя разжижается, снова с грохотом накатывает слепота, и я исчезаю

2

Далее последовал долгий – около двух суток, если я правильно восстановил в памяти последовательность событий, – период бессмыслицы. Отрезки времени, когда я валялся без сознания, представляли собой глубокие черные провалы, и вряд ли я узнаю, что тогда происходило. Я как-то раз спросил у матери, но она побледнела, поджала губы и сказала: “У меня нет сил об этом говорить”, тем все и кончилось.

Постепенно я стал на время приходить в себя, но и тогда воспоминания мои оставались разрозненными, обрывочными. Неизвестные рывкают на меня, что-то хотят; порой я пытаюсь сделать то, что от меня требуют, – мне запомнилось *сожми мою руку и открой глаза* – лишь бы от меня отвязались, иногда же игнорирую просьбы, и меня в конце концов оставляют в покое. Мама сидела, ссутулясь, на пластиковом стуле, серебристо-белые волосы растрепались, зеленый кардиган съехал с плеча. Выглядела она ужасно, мне так хотелось обнять ее, уверить, что все образуется, незачем накручивать себя по пустякам, подумашь, прыгнул с дерева в саду у бабушки с дедушкой и сломал ногу, хотелось рассмешить маму, чтобы худенькие напряженные плечи ее расслабились, но сил у меня хватило лишь на то, чтобы неловко захрипеть, отчего мама подскочила, бросилась ко мне, раскрыв рот, *Тоби, милый, ты...* – а дальше снова чернота. Моя рука, с жутковатым громоздким приспособлением с иглой, трубки и повязки, впившиеся в мою плоть, точно гротескный паразит. Отец прислонился к стене, небритый, с мешками под глазами, и дул в бумажный стаканчик. Перед ним расхаживал туда-сюда какой-то муругий зверь, длинный, мускулистый, похожий на красного волка или шакала, но у меня никак не получалось сосредоточиться и разглядеть его хорошенько; отец его словно и не замечал, я подумывал его предупредить, но это показалось мне глупостью, ведь, скорее всего, он сам и привел этого зверя, чтобы поднять мне настроение, чем зверь пока что не занимался, но, может быть, потом запрыгнет ко мне на кровать, свернется калачиком и поможет унять боль... Боль была такой сильной, что казалось, будто она разлита в воздухе и нужно научиться

принимать ее как должное, поскольку она была всегда и никуда не денется. Однако не это запомнилось мне живее всего из первых двух суток, не боль, но ощущение, что меня словно бы планомерно рвут на куски, и тело, и сознание, легко, точно мокрую салфетку, и я не в силах этому помешать.

Когда же части меня заново соединились в целое, наугад, не пойми насколько и в каком виде, стояла ночь. Я лежал на спине на неудобной койке в незнакомом помещении, часть которого была отгорожена длинной выцветшей занавеской. Меня мучил сильный жар. Губы запеклись, рот изнутри, казалось, обложили сухой глиной. Одна рука была привязана к трубке, уходившей куда-то вверх, во мрак. Жалюзи на окне прерывисто щелкали от сквозняка, методично и тихо пищала аппаратура.

Постепенно до меня дошло, что я, скорее всего, нахожусь в больнице. И это радовало, учитывая, как мне было больно. Болело практически везде. Эпицентром была тугая точка в правом виске, там непрерывно билась какая-то жуткая темная жидкость, того и гляди лопнет, так что я боялся даже прикоснуться к этому месту.

Приступы дикого ужаса, начавшись раз, не прекращались. Сердце так колотилось, что я опасался инфаркта, задыхался, как бегун, с каждым вдохом левый бок пронзала боль, отчего ужас лишь усиливался. Я понимал, что где-то тут должна быть тревожная кнопка, но не решался вызвать медсестру: вдруг она даст мне что-то такое, от чего я потеряю сознание и уже не приду в себя?

Долго-долго я лежал неподвижно, сжимая простыню и стараясь не заорать. Сквозь щели в жалюзи пробивались тонкие полоски серого света. За занавеской тихо и жутко плакала женщина.

Страх мой основывался на том, что я понятия не имел, как здесь оказался. Помнил, как был “У Хогана” с Шоном и Деком, как шел потом домой, по телефону слал поцелуи Мелиссе – или это было в другой раз? – а после ничего. И если меня пытались убить, – а явно так и было, причем убийцам почти это удалось, – то что мешает им явиться за мной в больницу, что мешает им притаиться за занавеской? Слабый, измученный болью, дрожащий, утыканный трубками и бог знает чем еще, я вряд ли сумею одолеть безжалостного непреклонного убийцу, – жалюзи щелкнули, и от ужаса я едва не вскочил с кровати.

Не знаю, сколько я так пролежал, отчаянно и упрямо вылавливая зазубренные осколки воспоминаний. Женщина на соседней койке плакала не переставая, но меня это даже успокаивало, пока она не замолчит, я могу не бояться, что кто-то проберется в палату и спрячется за занавеской. Я и сам едва не разрыдался, когда наконец в сознании всплыла картина: моя гостиная, внезапно вспыхнул свет, двое мужчин замерли и уставились на меня.

Как ни странно, меня охватило огромное облегчение. Меня избили грабители, это могло случиться с кем угодно, теперь все в прошлом, мне ничего не угрожает, вряд ли они выследят меня и явятся в больницу, чтобы меня прикончить. Мне остается лишь лежать да поправляться.

Сердцебиение понемногу успокоилось. Кажется, я даже улыбнулся в темноте, несмотря ни на что. До такой степени я был убежден, понимаете ли, так блаженно и так бесконечно верил, что худшее позади.

Утром ко мне заглянул врач. Я более-менее пришел в себя – шум в коридоре нарастал, бодрые голоса, шаги, зловещий грохот каталок, – однако по бившему в окно тусклому свету, от которого раскалывалась голова, я понял, что еще рано. Кто-то выговаривал женщине на койке за занавеской сдержанным, подчеркнуто-уверенным тоном, каким обычно успокаивают раскапризавшегося двухлетку: “Вам придется признать, что мы действовали в соответствии с современными клиническими рекомендациями”.

Должно быть, я издал какой-то звук, потому что сбоку от меня послышался шорох и кто-то негромко произнес:

– Тоби.

Я вздрогнул, и это движение отдалось болью во всем теле. Сидевший на стуле отец, взъерошенный, с красными глазами, подался ко мне:

– Тоби, это я. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – едва ворочая языком, выговорил я. На самом деле проснулся я уже не в таком умиротворенном расположении духа. Неожиданно оказалось, что все тело болит еще сильнее, чем накануне, а я ведь должен был поправляться, и оттого, что, возможно, не все так просто, в глубине души снова заскреблась-зашебуршилась паника.

Набравшись смелости, я осторожно коснулся двумя пальцами правого виска, но тот оказался плотно забинтован, так что узнать я ничего не узнал, а вот боль усилилась на порядок.

– Хочешь чего-нибудь? Воды?

Мне хотелось разве что прикрыть чем-нибудь глаза. Я попытался собраться с мыслями и попросить об этом, как вдруг край занавески отодвинули.

– Доброе утро. – Доктор высунул голову из-за занавески. – Как вы себя чувствуете?

– А, – я попытался сесть и поморщился, – нормально. – Язык с одной стороны саднил и так распух, что казался в два раза толще. Слова мои прозвучали так, как если бы их произнес плохой актер, игравший инвалида.

– Вы в состоянии разговаривать?

– Угу. Да. – На самом деле нет, но мне срочно нужно было выяснить, что за хрень со мной творится.

– Что ж, это серьезный прогресс, – заметил врач, задернул за собой занавеску и кивнул моему отцу. – Давайте я вам помогу. – Он что-то покрутил, и изголовье моей кровати с недовольным сипением приподнялось, так что я принял полулежачее положение. – Так нормально?

От движения у меня все поплыло перед глазами, словно я ухнул вниз на карусели.

– Хорошо, – ответил я. – Спасибо.

– Отлично, отлично.

Доктор был молод, на несколько лет старше меня, высокий, с залысынами и добродушным круглым лицом.

– Я доктор Куган. (Или Криган, или Дагган, или как-то вообще иначе, не разобрал.) Можете мне сказать, как вас зовут?

Меня встревожило то, что он спрашивает так, будто я могу этого не знать. И меня снова охватил вихрь хаоса, чей-то громкий голос рывкнул в ухо, яркий свет прыгал, качался, тело сотрясали рвотные позывы.

– Тоби Хеннеси.

– Угу. – Он придвинул к койке стул и сел. В руках у доктора была загадочного вида стопка бумаги – я так понял, моя карта, что бы это ни значило.